

12+

Юлия Смирнова

*Космическая
Самхита 3.
Шива
и Парвати*

Юлия Смирнова

Космическая Самхита
3. Шива и Парвати

«Издательские решения»

Смирнова Ю.

Космическая Самхита 3. Шива и Парвати / Ю. Смирнова —
«Издательские решения»,

«Космическая Самхита. Шива и Парвати» — завораживающее полотно, переносящее в сияющие чертоги Кайласа. Перед нами разворачивается величайшая космическая мистерия преданности, аскезы и духовного союза. Величественный Махадев и прекрасная Парвати проходят сквозь эпохи, чтобы явить вселенной абсолютное единство сознания и энергии. Поэтичный слог автора искусно обнажает вечные истины ведических мифов. Эта книга дарит интеллектуальное наслаждение, приоткрывая завесу тайны над истоками мироздания.

© Смирнова Ю.

© Издательские решения

Содержание

МАНТРА ШИВЫ	9
Ом Намах Шивая!	10
ГАЯТРИ МАНТРА ШИВЫ И ШАКТИ	11
ЭПИГРАФ АВТОРА	12
О МАХАДЕВЕ, ВЛАДЫКЕ КАЙЛАСА	13
ЧАСТЬ I. ТИШИНА ПОСЛЕ САТИ	14
Глава I. Молчание Шивы	14
Шива и Шакти	14
Глава III. Знаки возвращения	21
МОЛИТВА О ВОЗВРАЩЕНИИ	22
ЧАСТЬ II. РОЖДЕНИЕ БОГИНИ	23
Глава IV. Рождение Умы	23
Глава V. Дочь Гималаев	27
Глава VI. Пробуждение сердца	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Космическая Самхита 3. Шива и Парвати

Юлия Смирнова

© Юлия Смирнова, 2026

ISBN 978-5-0070-9966-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-9592-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОСМИЧЕСКАЯ САМХИТА. Том III. ШИВА И ПАРВАТИ.
Космическая Самхита продолжается.
Слово автора.

Мой дорогой читатель, если ты держишь в руках эту книгу, значит, однажды дороги наших сердец уже пересеклись на страницах истории о Шиве и Сати — истории великой любви, прошедшей через испытания, разлуку, жертву, скорбь и огонь преображения. Но вечная любовь не знает конца. Она лишь меняет свои одежды. Когда вселенная завершает один цикл, она не останавливается, а лишь находит другой способ своего дыхания и то, что кажется тишиной после великого события, на самом деле является пространством, в котором готовится новое проявление той же самой истины, но в иной форме, более мягкой для восприятия мира, ещё не готового увидеть вечное напрямую. И потому после истории Сати наступает не конец, а глубинное ожидание, в котором сама природа бытия начинает собирать в себе новые признаки будущего воплощения Шакти, не разрушая прежнее, но продолжая его в иной вибрации существования. Эта книга не является продолжением в обычном смысле, поскольку пураническое время не движется по прямой линии, а раскрывается, как вечное возвращение одной и той же истины в новых формах, и потому всё, что описано здесь, уже существовало прежде начала слов и будет продолжаться после их завершения. Если первая часть была о разлуке, скорби и превращении любви в космический закон, то эта часть — о возвращении, в котором любовь снова обретает форму, не теряя своей бесконечности. И если в истории Сати, Шакти проявила себя через утрату формы, то в истории Парвати, она проявляет себя через возвращение к форме, в которой возможно узнавание вечного в живом присутствии. В глубинах времени, где речь мудрецов не отделена от дыхания мира, существует знание, которое не передаётся как информация, но раскрывается как видение и именно там возникает понимание, что даже величайшие события не завершаются окончательно, а продолжают своё движение в иных формах проявления. И потому риши, пребывающие в созерцании потоков времени, видят не завершение истории Сати, а её переход в более тонкое состояние, в котором сама Шакти готовит новое воплощение, не как повтор, а как обновление смысла. Над Гималаями начинает проявляться особое состояние света, не связанное с движением солнца, но возникающее как внутренний знак изменения космического ритма и в этом свете сама природа становится более прозрачной, словно мир готовится к новому узнаванию древней истины. Душа Сати готовится вернуться. В глубинной ткани бытия, где формы растворяются в причинах, начинает проявляться движение, которое не является памятью в человеческом смысле, но является возвращением сути к возможности нового выражения, и потому душа Сати не исчезает и не отделяется, а начинает вновь искать форму, в которой любовь сможет быть узнана без утраты своей бесконечности. И тогда в мире начинают появляться знаки, не нарушающие порядок вещей, но мягко изменяющие восприятие тех, кто способен видеть глубже поверхности событий: тишина становится более плотной, горы — более живыми, а само пространство — более внимательным, словно оно ожидает появления того, что уже предопределено в самой структуре мироздания. В самой основе пуранического понимания мироздания Шива и Шакти не существуют, как две отдельные сущности, но представляют собой два аспекта одной реальности, в которой сознание и энергия не противопоставлены друг другу, а образуют единую ткань бытия, не имеющую начала и конца. Сознание без энергии остаётся непроявленным, а энергия без сознания — неустойчивой, и потому их единство не является выбором, но является самой природой существования, в которой мир возникает не из разделения, а из внутреннего согласия двух аспектов вечного. Любовь в этом понимании не является эмоцией или отношением, но является фундаментальным принципом, в котором сознание узнаёт себя в энергии, а энергия находит своё направление в сознании, и именно поэтому вся Вселенная существует как непрерывный акт узнавания. Потому история Парвати — это не новая история, а продолжение той же самой вечности, которая однажды проявилась как Сати, но теперь возвращается в форме, в которой соединение становится возможным без утраты, а любовь — без разрыва. Звёзды над Гималаями не становятся другими, но начинают светить так, будто помнят то, что было до их рождения и в этом свете мир снова узнаёт ту же самую истину, которая однажды

уже проявлялась, но теперь возвращается в иной форме дыхания Вселенной. И в этом дыхании слышится шёпот вечности, в котором нет начала и нет конца, а есть только возвращение того, что никогда не покидало своё основание. И где-то между тишиной и светом уже начинается движение, которое невозможно остановить, потому что оно не является временем, а является самой природой бытия. Любовь, прошедшая через огонь, становится бессмертной. Сати любила Шиву всем сердцем. Парвати будет любить Его всей Вселенной. Но любовь их останется одной и той же вечной любовью Шакти к Шиве. Она приходит в мир вновь и вновь, раскрывая новые грани своей бесконечной красоты. И потому перед тобой не новая история, а продолжение той же самой вечной песни Вселенной. Эта книга посвящается Великому Господу Шиве — Махадеве, Владыке Кайласа, Повелителю времени, Великому Йогу, чьё молчание хранит тайны мироздания, и Великой Матери Шакти, явившейся миру, как Парвати, дочь Гималаев, Богиня любви, силы, мудрости и бесконечной преданности. С глубочайшим почтением и любовью я склоняю голову перед Их вечным союзом. Эта книга не претендует на роль буквального пересказа священных Пуран. Перед вами моё личное видение древней истории, моё понимание и моё внутреннее путешествие по страницам ведических преданий. Я старалась увидеть эту историю сердцем. Старалась услышать то, что скрыто между строк древних писаний. Старалась представить сияние Кайласа, дыхание Гималаев, шёпот звёзд над вершинами мира и ту вечную любовь, которая существует ещё до рождения времени. Поэтому всё, что вы прочтёте далее, является не только повествованием Пуран, но и отражением того, как эта история открывается мне самой. Возможно, другой человек увидел бы её иначе. И в этом заключается удивительная красота священных историй — каждый находит в них собственный путь к вечности. Мне хочется верить, что страницы Космической Самхиты будут раскрываться перед вами глава за главой, словно древний священный манускрипт, где каждая история становится мостом между человеком и вечностью. Пусть эта книга будет понятной вашему сердцу. Пусть она принесёт вдохновение вашему разуму. Пусть она подарит надежду тем, кто ищет свой путь. Пусть напомним о том, что любовь сильнее времени, а преданность способна преодолеть любые испытания. От всего сердца желаю, чтобы Господь Махадева и Великая Мать Парвати благословили каждого, кто прикоснётся к этим страницам. Пусть они даруют мудрость ищущим. Мужество и стойкость тем, кто проходит через испытания. Покой тем, чьё сердце устало. Вдохновение творящим. Свет знания стремящимся к истине. Любовь тем, кто ищет любовь. И внутреннюю силу тем, кто идёт дорогой своей души. Пусть благословение Шивы будет вашим щитом. Пусть милость Парвати станет вашим утешением. Пусть свет их союза озаряет ваш путь. А наше путешествие только начинается. Впереди нас ждут новые главы великой истории. Впереди рождение Парвати. Впереди её путь к Махадеве. Впереди новая встреча любви и вечности. С любовью и почтением к Господу Шиве и Матери Парвати. «Любовь, прошедшая через огонь, становится бессмертной. Любовь, ставшая бессмертной, возвращается вновь.»

МАНТРА ГАНЕШИ. (устранение препятствий).

Ом Гананам твам Ганапатигум Хавамахе
 Кавим Кавинам Упамашравастам
 Джештхараджам Брахманам Брахманаспата
 А На Шринваннутибхиссида Саданам
 Ом Шри Маха Ганапатайе Намах!

МАНТРА ШИВЫ

Ом Намах Шивая!
МАНТРА ПАРВАТИ
Ом Парватйаи Намах!
МАНТРА АРДХАНАРИШВАРЫ
Ом Ардханаришварайя Намах!

ГАЯТРИ МАНТРА ШИВЫ И ШАКТИ

Шива: Ом Татпурушаи Видмахе
Махадевайя Дхимахи
Танно Рудра Прачодайат
Шакти: Ом Тат Шактьяи Видмахе
Парватиййя Дхимахи
Танно Деви Прачодайат

ЭПИГРАФ АВТОРА

«Когда ум становится прозрачным,
мир перестаёт быть внешним.
Он становится памятью души,
которая вспоминает саму себя.»

Я, как рассказчик этой Космической Самхиты, вступаю в неё не как создатель, но как свидетель древнего знания, которое проявилось в форме слов. Я не утверждаю истину — я позволяю ей быть услышанной. Пусть каждое слово этой книги, станет мостом между тем, что было скрыто, и тем, что готово быть узанным. И если в этих строках есть свет — то он не мой. Он принадлежит Шиве и Шакти, вечному дыханию Кайласа. Теперь слова перестают быть словами. И начинается пространство, которое нельзя прочитать — его можно только пережить. Кайлас не находится где-то «вверху» или «вдали». Он раскрывается внутри того, кто готов видеть без формы. Снега здесь не просто белые — они как память времени, которое ещё не родилось. Ветер не движется — он слушает. И сама тишина здесь не отсутствие звука, а присутствие чего-то настолько огромного, что звук теряет смысл. И в этот момент я, как автор, не отделяю себя от того, что описываю. Я словно стою на границе видимого и невидимого, и чувствую, как сама история не пишется мной — она проходит сквозь меня. И если эти строки читаются сейчас, значит, читатель уже вошёл в это пространство вместе со мной. Мы не по разные стороны текста. Мы внутри одного дыхания Кайласа. Эта Самхита не является обычным повествованием и её слова не предназначены лишь для поверхностного чтения. Тот, кто входит в неё, входит не в историю, но в пространство смысла, где внешнее и внутреннее перестают быть разделёнными. Поэтому пусть читающий помнит: если ум ищет только сюжет — он увидит лишь форму; если сердце готово слышать — оно узнает отражение вечного. И пусть эта книга будет раскрыта не в спешке, но в внимании, в котором даже пауза между словами становится значимой. Ибо сказано древними риши: «Знание открывается не тому, кто торопится понять, но тому, кто готов быть изменённым самим процессом понимания.» Перед тем, как войти в пространство этой Самхиты, пусть читающий на мгновение остановится внутри самого себя, и не как наблюдатель, а как участник произнесёт внутреннее намерение. Я вхожу в это повествование не ради знания, но ради понимания, которое изменяет взгляд. Я принимаю, что каждая история здесь — это отражение более глубокой реальности, и готов видеть за формой смысл, а за событиями — движение вечного. Я открываю сердце не только для слов, но и для тишины между ними. И пусть всё, что будет прочитано далее, станет для меня не информацией, а опытом внутреннего узнавания.

О МАХАДЕВЕ, ВЛАДЫКЕ КАЙЛАСА

Кайлас не существует сам по себе как место и не является просто горой среди других вершин мира. Он — живое проявление неподвижного присутствия, и центром этого присутствия является Махадева, Шива. Ибо сказано в видении риши, что там, где мысль перестаёт искать движение, там пребывает Он — не как образ, не как форма, но как сама суть осознания, в котором возникает всё. Шива — не правитель Кайласа в земном смысле слова, и не владыка, управляющий извне. Он — то состояние, в котором Кайлас становится Кайласом. Где Он пребывает, там нет необходимости в объяснении пространства, ибо само пространство становится тишиной Его присутствия. Горы склоняются не перед властью, но перед глубиной покоя, в которой исчезает разделение между наблюдающим и наблюдаемым. И потому Кайлас называют обителью Шивы — не потому, что Он там живёт, а потому, что там становится очевидным то, что Он никогда и нигде не отсутствует. И тот, кто входит в это повествование, входит не в описание гор, а в приближение к пониманию этого присутствия.

Махадеве посвящается...

Над снежной высью, где молчит эфир,
Где время замирает, не дыша,
Стоит Кайлас — как вечный белый мир,
Где тишина прозрачна и чиста.
Там ветер не тревожит облака,
Там звёзды ниже кажутся земле,
И вечность, словно свет издалека,
Спокойно спит в холодной мгле.
И в этом сне, где нет земных начал,
Где мысль сама становится тиха,
Пребудет Тот, кого весь мир искал,
Но кто всегда за гранью языка.
Не царь, не образ, не земной закон,
Не имя, что даётся на века —
Он сам покой, без времени и зон,
Он — глубина бездонного Кайласа.
И если сердце станет вдруг как снег,
Прозрачным, не касающимся тьмы,
Оно услышит — тихий, вечный век,
Где Шива есть дыхание зимы.
И всё, что было, — растворится в нём,
И всё, что будет, — станет тишиной,
И мир предстанет вечным, чистым сном,
Где Махадева правит не рукой.
А только тем, что выше всех путей,
Что не зовётся словом никогда,
Что светит тише тысячи огней —
И остаётся с миром навсегда.

ЧАСТЬ I. ТИШИНА ПОСЛЕ САТИ

Глава I. Молчание Шивы

— Безмолвие Кайласа. — Скорбь Великого Йога. — Мир без Шакти.

После ухода Сати не изменился мир — изменилось восприятие мира. Кайлас остался тем же, но стал бесконечно глубже, словно сама реальность научилась молчать. Шива не двигался. Но Его неподвижность была не отсутствием действия, а состоянием, в котором сама Вселенная перестаёт нуждаться в объяснении. Боги приближались — и останавливались. Риши пытались постичь — и растворялись в тишине. И даже время, поднимаясь к подножию Кайласа, теряло уверенность в своём движении. И в этой тишине уже начинало рождаться то, что ещё не имело имени. Но уже было судьбой. С этого момента повествование перестаёт быть внешним описанием. И становится проходом. Кайлас не находится где-то в пространстве — он открывается там, где ум перестаёт требовать объяснений. И потому ключом к этому входу является не действие, а состояние. Не усилие, а прозрачность восприятия. Не знание, а готовность быть тихим. Тот, кто входит, не покидает мир — он просто начинает видеть его иначе. И в этом изменении взгляда Кайлас раскрывается сам. И теперь, когда санкальпа произнесена, а ключ уже принят не разумом, а вниманием, повествование больше не начинается. Оно продолжается там, где всегда уже было.

Шива и Шакти

Не как разлука, не как поиск дня,
Не как мечта, что выше бытия —
Их связь не создана дыханьем слов,
Она — основа всех миров и снов.
Он — тишина, где растворён предел,
Она — тот свет, что в тишине созрел.
Он — неподвижность вечного огня,
Она — движение изнутри огня.
И если вдруг миры возникнут вновь,
То только там, где оживёт любовь.

После ухода Сати мир не изменился сразу. Снаружи всё оставалось прежним: Гималаи стояли в вечном сне, ветры продолжали касаться вершин, а небеса по-прежнему сменяли утро на вечер, словно ничего не произошло. Но внутри самой ткани мироздания возникла тишина, которой прежде не знали даже Боги. На Кайласе эта тишина ощущалась особенно ясно. Шива сидел неподвижно, погружённый в состояние, которое не было ни медитацией, ни отрешённостью, ни скорбью в человеческом понимании. Это было не действие и не бездействие — это было растворение всех различий, в котором даже время перестаёт быть наблюдаемым. Боги знали, к Нему нельзя приблизиться привычным образом. Не потому, что это было запрещено, а потому, что сама возможность приближения теряла смысл. Там, где пребывал Махадева, состояние переставало существовать как категория. Иногда к подножию Кайласа поднимались риши. Они останавливались задолго до вершины, и не потому что не могли идти дальше, а потому что в какой-то момент путь внутри них сам прекращался. Словно сама гора становилась не пространством, а состоянием сознания. Они чувствовали присутствие Шивы — не как образ, а как неизменную основу всего, что существует. Но ни один из них не решался нарушить это молчание словами. И всё же даже в этой неподвижности Вселенная не остановилась.

Где-то продолжали рождаться миры, где-то разворачивались судьбы, где-то звучали молитвы и битвы Богов. Но всё это теперь казалось далёким отражением, словно реальность смотрела на саму себя через тонкую, почти невидимую завесу. И лишь на Кайласе время будто потеряло уверенность в собственном движении. Дни не сменяли друг друга так, как прежде. Они просто существовали рядом, не касаясь внутреннего пространства Махадевы. Ночи не приходили и не уходили — они растворялись, не успев стать завершением дня. И в этой странной, почти непостижимой тишине начинало постепенно проступать нечто новое. Сначала это было едва заметное ощущение, как будто сама реальность задерживает дыхание перед тем, что ещё не произошло. Потом это ощущение стало устойчивым, словно в самой глубине бытия уже был сделан выбор, который ещё не проявился в форме события. И только Кайлас знал это раньше всех. Потому что гора, которая хранит молчание Махадевы, всегда первой слышит то, что ещё не стало словом. Когда Сати оставила своё тело в жертвенном огне, в мироздании не произошло внешнего разрушения, но изменилось то, что обычно не воспринимается чувствами — внутренняя опора бытия. В тот же миг Махадева, Шива, погрузился в глубокую самадхи, которая не была обычной медитацией. Это было состояние полного сворачивания вовне направленного сознания, когда даже космическое действие перестаёт проявляться и остаётся только чистое, недифференцированное присутствие. Он не покинул мир, но мир перестал отражаться в Нём, как активная сила. Его сознание утвердилось в абсолютной неподвижности, где нет ни творения, ни поддержания, ни разрушения, но есть источник, из которого все три состояния возникают. В пуранической традиции говорится, что Шива — это не участник процессов мироздания, а их высшая основа, и когда эта основа пребывает в состоянии глубокой внутричерепной тишины самадхи, космическая динамика не исчезает, но теряет свою гармоническую устойчивость. Именно это и стало происходить. Брахма продолжал акт творения, Вишну продолжал поддержание мирового порядка, но отсутствие активного присутствия Шивы как равновесного начала привело к тому, что баланс между гунами начал постепенно смещаться. Мир не разрушился мгновенно, но в нём появилась тонкая нестабильность: ритуалы утратили прежнюю силу, жертвоприношения стали сопровождаться внутренним беспокойством, а мудрецы начали ощущать, что связь между действием и его плодом становится менее прямой. Боги чувствовали это, как нарастающее напряжение, хотя внешне всё ещё сохранялся порядок. Именно тогда стало очевидно, что Тримурти — Брахма, Вишну и Шива — не являются тремя независимыми силами, действующими отдельно, но представляют единое равновесие космического функционирования, где каждая из ипостасей поддерживает устойчивость целого. Когда одна из этих опор оказывается в состоянии отстранённой неподвижности, равновесие не разрушается мгновенно, но начинает постепенно терять свою завершенность. Среди Богов возникло беспокойство. Они осознавали, что Шива не исчез, не отвернулся и не покинул мир. Он пребывал в самадхи, но это состояние, хотя и высшее по своей природе, означало отсутствие активного участия в космическом взаимодействии. И потому Вселенная начала переживать это, как утрату внутреннего отклика. Где-то стали ослабевать ритуальные связи. Где-то мудрость перестала передаваться с прежней ясностью. Где-то возникла тень сомнения в устойчивости дхармы. Это не было разрушением в буквальном смысле. Это было медленное смещение центра тяжести мироздания. Брахма наблюдал это, как нарушение равновесия творческого принципа. Вишну — как угрозу устойчивости поддержания дхармы. Риши — как утрату внутренней ясности восприятия истины. И все они понимали одно, без возвращения Шивы из состояния абсолютной внутренней погруженности, мироздание не сможет сохранять прежнюю гармонию проявленного и непроявленного. Но никто не мог нарушить эту самадхи. Потому что самадхи Махадевы — это не состояние, в которое можно войти или из которого можно выйти по внешнему воздействию. Оно подчиняется не законам просьбы или вмешательства, а только внутреннему космическому импульсу, который находится за пределами даже Богов. И потому мир продолжал существовать, но уже с ощущением, что центр его внутреннего равнове-

сия стал неподвижен настолько глубоко, что сама Вселенная начала учиться ожиданию. Когда стало очевидно, что состояние Махадевы не является временным отклонением, но глубокой и устойчивой самадхи, Боги собрались в высших мирах для обсуждения того, что в пуранической традиции называется восстановлением космического равновесия. Они понимали, вмешательство в самадхи Шивы невозможно, поскольку это не состояние, подлежащее внешнему изменению, а абсолютная форма внутренней полноты, в которой отсутствует разделение между действием и покоем. Поэтому любая попытка «разбудить» Его силой или просьбой была бы не только невозможной, но и противоречащей самой природе Его бытия. Вишну, хранящий равновесие миров, первым обозначил, что ситуация требует не прямого воздействия, а восстановления условий, при которых космическая целостность проявится естественным образом. Он указал, что мироздание существует устойчиво только тогда, когда три принципа — творение, поддержание и растворение — находятся в согласованном взаимодействии. Брахма подтвердил, что творческий импульс продолжает действовать, но ощущается тонкое ослабление внутренней согласованности между проявлением форм и их окончательным разрешением в высшее состояние. Таким образом, среди Богов укрепились понимание, нарушение не носит разрушительного характера в грубом смысле, но является нарушением гармонии взаимодействия принципов. И тогда в собрании Богов возник вопрос, который стал поворотным моментом всего повествования. Если прямое обращение к Шиве невозможно в силу Его самадхи, и если поддержание мира требует восстановления равновесия, то каким образом может быть восстановлена утраченная целостность космоса? В этот момент пуранические тексты указывают на то, что Вишну начал осознавать скрытый закон, космическое равновесие восстанавливается не через давление на одну из сил, но через пробуждение той энергии, которая способна вновь установить связь между проявленным и непроявленным аспектами бытия. Именно тогда возникает понимание роли Шакти — не, как внешнего дополнения, но как внутреннего принципа, через который сознание вновь обретает динамическое выражение. Но в текущем состоянии повествования эта истина ещё не проявлена полностью. Она только начинает формироваться в пространстве божественного совета, как тонкое предчувствие будущего восстановления. И потому Боги принимают решение не нарушать самадхи Махадевы и не пытаться изменить Его состояние напрямую, но искать путь, который позволит космосу вернуть равновесие естественным образом, без насилия над высшим принципом. Это решение становится началом следующего этапа великой истории, в которой будет задействована не сила разрушения, а сила космического пробуждения. Где-то в глубинах Гималаев, ещё не оформленных, как центр повествования, уже начинала формироваться новая точка проявления. Не событие. Не личность. Но возможность рождения. И эта возможность постепенно становилась неизбежной. Потому что в пуранической логике Вселенной ничто не может оставаться незавершённым. Если сознание пребывает в абсолютной неподвижности, то энергия обязательно должна найти путь возвращения к нему. И если Шива молчит, то Шакти обязательно начинает путь к проявлению. Так начинается новый цикл, в котором не будет конфликта прошлого, но будет раскрытие новой формы любви, как космического закона соединения. Находясь в медитации сознание более не обращалось к внешнему порядку миров. Это не было отвержением и не было действием воли — это было естественное растворение участия в проявленной игре мироздания, в которой Он прежде являлся не только свидетелем, но и космическим принципом равновесия. И тогда мир оказался как бы разделённым на уровни, которые продолжали существовать, но уже без привычного внутреннего единства. Люди совершали жертвоприношения, следовали дхарме, создавали и разрушали, но во многих действиях появилась внутренняя неуверенность, словно сама связь между действием и его космическим результатом стала менее прозрачной. Риши ощущали, что мантры звучат так же, как и прежде, но отклик Вселенной стал более тонким, менее явным, требующим большей глубины сосредоточения. В небесных сферах Боги продолжали выполнять свои функции, так Индра управлял дождями и потоками сил природы,

Агни принимал подношения, Ваю двигал ветры, но среди них возникло тихое понимание, что отсутствует не внешняя сила, а внутренний центр космического равновесия. Брахма продолжал творение, Вишну продолжал поддержание, но даже в их деятельности ощущалась тонкая необходимость восстановления полноты Тримурти как единого принципа. Это не было нарушением порядка, но было отсутствием той глубинной согласованности, которая делает порядок живым, а не просто функционирующим. На вершине Кайласа всё было иначе. Горы вокруг казались неподвижными, но их неподвижность стала ещё более глубокой, словно сама природа научилась подражать Его состоянию. Преты и ганы пребывали в молчании. Даже их обычное движение, их энергия и шум стали редкими, словно сама обитель Шивы вошла в состояние уважительной тишины. Нанди стоял у входа пещеры, где пребывал Шива в глубокой медитации, он долго умолял Господа вернуться в обычное состояние, долго плакал взывая к Господу, но всё было напрасным. Тут Нанди принял решение стать камнем, до той поры пока Господь не выйдет из своей суровой медитации и оставался у входа в пещеру в окаменевшем состоянии ни как страж в обычном смысле, а как воплощение ожидания, в котором нет напряжения, но есть полная преданность неподвижному центру. И всё же, несмотря на это внешнее спокойствие, в самом основании мироздания начиналось нечто новое. Не действие. Не вмешательство. Но постепенное смещение направления самой реальности. Потому что когда сознание, являющееся опорой равновесия, полностью уходит в внутреннюю неподвижность, мир не разрушается — он начинает искать новое выражение этой полноты. И это «поиск» уже не был осознанным решением Богов или людей. Это был сам закон бытия, который начинал разворачиваться в сторону будущего проявления Шакти.

Глава II. Гималаи, хранящие память.

— Земля, помнящая Богиню. — Священные вершины. — Ожидание возвращения.

После ухода Сати прошло время, которое невозможно измерить ни годами людей, ни эпохами Богов. Для смертных мир продолжал существовать. Солнце по-прежнему поднималось над горизонтом, сменяя ночь днём. Реки текли к океанам. В лесах распускались цветы. Рождались дети и уходили старики. Казалось, будто течение жизни не прерывалось. Но мудрецы знали, внешнее движение ещё не означает внутренней полноты. После того, как Сати покинула своё тело, не только сердце Махадевы погрузилось в безмолвие. Само мироздание словно утратило часть собственной души. Шива пребывал в глубинах непостижимой самадхи. Он более не обращал внимания на споры Богов и асуров. Не участвовал в великих собраниях небожителей. Не отвечал на молитвы, которыми прежде наполнялись небеса. Не интересовался ни славой, ни властью, ни судьбами миров. Всё то, что для остальных существ составляло реальность, стало для Него подобно далёкому отражению на поверхности воды. Он пребывал там, где нет ни рождения, ни смерти, ни приобретения, ни утраты. Однако для трёх миров последствия этого молчания становились всё более ощутимыми. Кайлас, некогда наполненный присутствием Шакти, погрузился в глубокую тишину. Ганы перестали веселиться. Музыка гандхарвов больше не звучала в небесных садах. Даже ветер, проходивший через снежные вершины, казался более тихим, словно сама природа боялась нарушить скорбное молчание своего Господа. Риши рассказывали друг другу, что во время медитаций ощущают необычную пустоту, словно одна из великих сил мироздания скрылась за завесой непроницаемого покоя. Не потому, что Шива оставил мир. Но потому, что Он перестал смотреть на него. И если прежде Его взгляд поддерживал внутреннее равновесие между проявленным и непроявленным, то теперь это равновесие постепенно становилось всё менее устойчивым. Брахма продолжал творить. Вишну продолжал хранить миры. Но оба понимали, что полнота космического порядка нарушена. Ибо творение, сохранение и преобразование не существуют отдельно друг от друга. Они подобны трём потокам одной великой реки. Когда один поток скрывается под землёй, течение всей реки изменяется. Со временем беспокойство стало охватывать даже небесные миры. Боги собирались на советы. Риши размышляли над древними пророчествами. Великие мудрецы обраща-

лись к памяти прошлых юг. И постепенно перед ними начала открываться истина. Шива скорбит не как человек. Его скорбь не является эмоцией, которую можно утешить словами. Она подобна бездонному океану, в который погрузилась сама космическая энергия. И пока Шакти не проявится вновь, Махадева не вернётся к участию в великой игре мироздания. Тогда Брахма напомнил Богам древнюю тайну, известную ещё до возникновения нынешнего цикла творения. Шакти вечна. Богиня не может исчезнуть. Она может менять формы, имена и воплощения, но её сущность остаётся неизменной. Та, что покинула мир как Сати, должна однажды вернуться вновь в иной форме. Эти слова стали надеждой для Богов. Постепенно они начали понимать, что решение находится не в попытке нарушить самадхи Шивы, а в ожидании нового проявления Великой Богини. Тогда их взоры обратились к Гималаям. Среди всех гор мира именно Химаван считался царём гор. Его сердце было чистым. Его преданность дхарме была безупречной. Его супруга Мена обладала благочестием, которое прославляли риши и Боги. И потому ещё задолго до рождения Парвати сама судьба избрала их для величайшей чести, которую только может получить живое существо. Им предстояло стать земными родителями Той, кого мир когда-то знал, как Сати. Но пока ни Химаван, ни Мена ещё не ведали о великой милости, которая приближалась к их дому. Лишь сами Гималаи уже начинали чувствовать её приближение. Среди снегов рождалось ожидание. Среди вершин пробуждалась надежда. А в самом сердце мироздания начиналась новая глава великой истории любви Шивы и Шакти — любви, которой предстояло вновь изменить судьбу всех миров. Однако пока на Кайласе царило безмолвие, а Боги с надеждой ожидали нового проявления Шакти, в иных частях мироздания зрел источник грядущих бедствий.

Среди асуров жил могущественный Таракасура.

С юности он отличался необычайной решимостью и стремлением к власти. Но, в отличие от многих демонов, он понимал, что одной силы недостаточно для покорения миров. Он знал древний закон, известный как Богам, так и асурам, даже величайшее могущество рождается не только из оружия, но и из тапаса. И потому Таракасура удалился в суровую аскезу. Годы сменяли годы. Он стоял под палящим солнцем. Он переносил холод и зной. Он отказывался от пищи. Он обуздывал тело и чувства. Его сосредоточенность становилась столь великой, что жар его подвижничества начал ощущаться даже в небесных мирах. Риши говорили, что огонь его тапаса поднимался к самым небесам. Боги начали тревожиться. Ибо известно: когда аскеза совершается с такой силой, она неизбежно приносит плод. Наконец перед Таракасурой явился Брахма. Создатель миров спросил, какое благословение желает получить подвижник. Тогда асура открыл своё намерение. Он не просил богатства. Не просил долгой жизни. Не просил власти над отдельным царством. Он желал почти невозможного. Таракасура попросил дар, который сделал бы его практически непобедимым для Богов, людей и других существ. Брахма, связанный законом вознаграждения за великий тапас, не мог отказать полностью, но и не мог даровать абсолютное бессмертие. Поэтому было установлено условие. Асура может быть побеждён лишь сыном Шивы. Таракасура улыбнулся. Он считал это благословение равным бессмертию. Ведь всему мирозданию было известно, что Сати покинула земной мир, а Махадева пребывает в глубочайшей самадхи, отвернувшись от всех проявленных дел. Кто мог поверить, что у Шивы когда-либо снова появится супруга? Кто мог представить рождение сына? Получив благословение, Таракасура вернулся к своему народу. И вскоре начались войны, подобных которым давно не знали три мира. Собрав неисчислимые армии асуров, он двинулся против небесных владений. Одна за другой вспыхивали битвы. Небеса содрогались от столкновения божественного оружия. Гремели колесницы. Сверкали молнии Индры. Пылали огни Агни. Но могущество Таракасуры возрастало с каждым новым сражением. Дар Брахмы делал его неуязвимым. Многие небесные военачальники были побеждены. Армии Богов отступали. Даже Индра, владыка небес, оказался не в силах остановить натиск асуров. В конце концов небесная столица была утрачена. Таракасура утвердил своё господство над

огромной частью трёх миров. Тогда страдания коснулись не только Богов. На земле начали разрушаться священные порядки. Многие риши больше не могли спокойно совершать ягьи. Подвижники подвергались нападениям. Священные места осквернялись. Страх стал распространяться среди людей. Те, кто стремился к дхарме, всё чаще сталкивались с препятствиями. Казалось, будто сама гармония мироздания начала меркнуть под тяжестью асурического владычества. И тогда Боги окончательно осознали всю глубину бедствия. Проблема заключалась не только в утрате небесных престолов. Речь шла о судьбе всей Вселенной. Они собрались вместе и обратились сначала к Брахме, а затем к Вишну. Именно тогда древнее пророчество вновь было произнесено среди небожителей. Таракасура не может быть побеждён никем из ныне живущих. Ни Индрой. Ни Агни. Ни Ваю. Ни другими Богами. Его судьба уже определена благословением Брахмы. Лишь сын Шивы сможет однажды положить конец его власти. Эти слова принесли Богам одновременно надежду и тревогу. Потому, что все понимали главное препятствие. Шива пребывает в самадхи. Шакти ещё не вернулась в мир. А без нового воплощения Богини не может произойти великое соединение, из которого родится спаситель миров. И потому взоры Богов вновь обратились к заснеженным вершинам Гималаев. Туда, где ещё не родилась Парвати. Туда, где пока лишь сама судьба готовила возвращение вечной Шакти. И никто из присутствующих тогда ещё не знал, что надежда трёх миров уже начинает принимать человеческий облик в доме царя гор Химавана. Пока Махадева пребывал в безмолвии своей великой самадхи, а Боги с тревогой наблюдали за изменениями в мироздании, в северных пределах земли начинали происходить события, которые ещё никто не связывал с будущим возвращением Шакти. Владыка гор Химаван по-прежнему правил своими снежными владениями. Его царство простиралось от ледяных вершин до зелёных долин, от бурных рек до неприступных скал. Мудрецы приходили в эти места для аскез и медитации, ибо издревле считалось, что сами Гималаи ближе всего к небесам. Но однажды Химаван начал замечать перемены. Они были едва уловимы. Снега на вершинах по-прежнему сияли под солнцем. Реки продолжали течь к равнинам. Ветры всё так же гуляли среди ущелий. И всё же сама природа словно ожидала кого-то. Весной цветы раскрывались раньше обычного. В высокогорных лесах стало появляться больше птиц. Источники, которые прежде были скрыты среди скал, неожиданно пробуждались и начинали струиться чистой водой. Мудрецы, жившие в горных пещерах, говорили друг другу, что воздух стал необычайно чистым и наполненным особой благодатью. Они не могли объяснить этого словами, но чувствовали, царица Мена также замечала странные знаки. По ночам ей начали сниться необыкновенные сны. Она видела сияющую женщину, окружённую золотым светом. Иногда эта женщина стояла среди снежных вершин. Иногда сидела на белом лотосе. Иногда её образ растворялся в самом свете, и тогда невозможно было понять, где заканчивается сияние и начинается форма. Просыпаясь, Мена ощущала глубокий покой, словно после общения с кем-то бесконечно близким и родным. Она рассказывала свои сны Химавану. Но даже мудрый владыка гор не мог понять их полного значения. В это же время многие риши начали получать необычные видения. Во время медитации они видели свет, нисходящий с высших миров на землю. Некоторые слышали божественные гимны. Другие ощущали присутствие великой энергии, которую невозможно было сравнить ни с чем ранее пережитым. И тогда среди мудрецов стали говорить, что Шакти вновь готовится проявиться в мире. Не как воспоминание о прошлом, ни как тень Сати. А как новое воплощение вечной Богини. Сами Гималаи словно отвечали на это приближение. Склоны гор становились всё прекраснее. Леса наполнялись благоуханием. Животные, которые прежде избегали друг друга, мирно собирались возле горных озёр. Даже суровые снежные бури становились мягче. Словно сама природа желала приготовить достойную обитель для Той, которую вскоре предстояло назвать дочерью Гималаев. В Пуранах Химаван почитается не просто, как гора или царь гор. Он является олицетворением устойчивости, чистоты и величия земли. И потому именно ему была дарована честь стать отцом Богини. Не потому, что он стремился к этому. А потому,

что сама природа Гималаев оказалась наиболее достойным сосудом для её будущего рождения. Пока Боги ещё размышляли о судьбах мира, пока Махадева пребывал в безмолвии Кайласа, а люди даже не подозревали о грядущих событиях, среди снегов уже созревало величайшее чудо новой эпохи. Богиня ещё не родилась. Её имя ещё не прозвучало. Но Гималаи уже знали. И потому каждая вершина, каждая река, каждый цветок и каждый ветер словно готовились встретить Ту, чьё появление должно было однажды вернуть миру утраченную полноту.

Глава III. Знаки возвращения

— Пророчества мудрецов. — Видения Богов. — Предвестники новой эпохи.

Существуют мгновения, когда будущее ещё не наступило, но его дыхание уже касается мира. Именно такое время пришло тогда для трёх миров. Ни люди, ни Боги ещё не знали, каким образом исполнится воля судьбы. Никто не мог сказать, где именно и когда вновь проявится Великая Богиня. Однако сама ткань мироздания уже начинала отвечать на приближение события, которому было суждено изменить ход эпох. Первыми перемены почувствовали великие риши. В своих ашрамах, среди лесов и священных рек, они продолжали древние практики созерцания. Многие из них достигли такого уровня внутренней чистоты, что могли воспринимать не только происходящее, но и отдалённые отголоски грядущего. Во время медитаций перед ними начали открываться необычные видения. Одни видели огромный белоснежный лотос, раскрывающийся над вершинами Гималаев. Другие созерцали поток золотого света, нисходящий из высших сфер на землю. Третьи слышали неземное пение, исходившее словно одновременно со всех сторон мироздания. Никто не понимал полного значения этих знамений. Но все чувствовали одно и то же. В мир приходит нечто великое. Не разрушение. Не война. Не очередная смена эпох. Приближается возвращение силы, без которой невозможно существование самого порядка мироздания. Постепенно одинаковые откровения начали приходить к мудрецам, жившим в самых разных местах земли. Не сговариваясь между собой, они говорили об одном и том же. Великая Шакти вновь готовится проявиться среди живых существ. И тогда старейшие риши стали вспоминать древние предсказания, передававшиеся от учителя к ученику ещё со времён первых поколений людей. В этих пророчествах говорилось, что Божественная Энергия никогда не покидает мир навсегда. Когда одна форма завершает своё предназначение, появляется другая. Когда одна глава великой истории подходит к концу, начинается следующая. Подобно тому, как солнце скрывается за горизонтом лишь для того, чтобы вновь взойти утром, так и Шакти принимает новые облики ради поддержания космического порядка. Эти слова постепенно распространялись среди мудрецов и подвижников. И вместе с ними росла надежда. Тем временем знамения начали проявляться и в небесных мирах. Однажды Индра увидел необыкновенный сон. Ему привиделась женщина, сияющая ярче тысячи солнц и одновременно мягче лунного света. Она не произнесла ни слова. Но после пробуждения владыка небес ощутил давно забытое чувство уверенности, словно тяжесть будущих бедствий стала немного легче. Подобные видения посетили и других Богов. Каждый видел образ по-своему. Для одних он являлся, как свет. Для других, как звук. Для третьих как бесконечное пространство, наполненное живым присутствием. Но все они понимали — это не обычные сны. Это прикосновение силы, которая уже начала возвращаться в мир. Даже сама природа стала откликаться на грядущие события. Птицы меняли привычные пути перелётов. Редкие цветы неожиданно расцветали в местах, где прежде никогда не росли. Источники становились более полноводными. Священные деревья покрывались молодой листвой вне времени года. Животные теряли взаимную вражду возле древних мест силы. Казалось, будто сама земля готовится встретить дорогого гостя. Никто ещё не видел Богиню. Никто ещё не знал её будущего имени. Но сама Вселенная уже начинала узнавать приближение Той, благодаря Которой движутся миры. И пока смертные продолжали свои повседневные дела, пока боги размышляли о судьбе небесных царств, а риши пытались постичь смысл увиденных знамений, в глубинах незримого уже совершалось великое таинство. Новая эпоха приближалась. Тихо. Незаметно. Не через гром битв и не через разрушение миров. Она приближалась так же, как приходит рассвет — сначала невидимый, затем угадываемый, а после озаряющий всё сущее своим светом. И первой этот свет должна была встретить земля Гималаев.

МОЛИТВА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Совет Богов. Пророчество Брахмы. Благословение Великой Шакти.

Пока Махадева пребывал в непостижимой самадхи, а могущество Таракасуры распространялось по трём мирам, тревога Богов становилась всё сильнее. Небесные царства уже не принадлежали им так, как прежде. Многие священные обряды прерывались. Риши подвергались нападениям. Дхарма постепенно теряла свою устойчивость. И тогда владыки небес собрались на великий совет. Пришли Индра, Варуна, Ваю, Агни, Сурья и другие хранители космического порядка. Вместе они отправились к Брахме, прародителю существ и творцу проявленного мира. Поклонившись ему, Боги поведали обо всех бедствиях, которые обрушились на Вселенную. Они рассказали о власти Таракасуры. О страданиях людей. О разрушении священных традиций. О страхе, который начал проникать даже в небесные обители. Когда их речи завершились, Брахма некоторое время хранил молчание. Он видел прошлое. Он видел настоящее. И он видел нити судьбы, ведущие в будущее. Наконец Создатель заговорил. Его голос был спокоен, но каждое слово звучало подобно закону мироздания. «То, что происходит ныне, не является случайностью. Таракасура получил плод своего великого тапаса. Дар, однажды данный в соответствии с дхармой, не может быть отнят даже тем, кто его даровал. Таков вечный порядок Вселенной. Поэтому никто из Богов не сможет победить этого асуру». Услышав это, Боги пришли в смятение. Но Брахма поднял руку, призывая их к спокойствию. «Существует путь. Он был определён ещё в тот момент, когда Таракасура получил своё благословение. Асура падёт от руки сына Махадевы». В небесном собрании воцарилась тишина. Боги знали, что Шива пребывает в самадхи. Знали, что Сати покинула мир. Знали, что ни о каком браке, ни о каком наследнике сейчас невозможно даже помыслить. И потому многие из них не понимали, как может исполниться такое пророчество. Тогда Брахма произнёс слова, которые стали надеждой для трёх миров. «Великая Шакти вечна. Она не рождается и не умирает подобно смертным существам. Она лишь меняет свои формы ради блага мироздания. Та, которую вы знали как Сати, вновь явится среди людей. И когда придёт назначенный срок, она снова соединится с Шивой». Слова Брахмы наполнили сердца Богов надеждой. Но одновременно они понимали, что исполнение пророчества требует великой милости самой Богини. Тогда Брахма предложил обратиться к Ней. Ни как к дочери Дакши, ни как к будущей Парвати. Но как к вечной Махашакти, Матери миров, пребывающей за пределами времени и форм. Боги согласились. На берегах небесных рек и в священных областях высших миров были совершены молитвы. Мудрецы возжигали священные огни. Гандхарвы воспевали гимны. Сиддхи и чараны произносили древние мантры. И все они зывали к Великой Богине. Они просили её вновь проявиться среди существ. Вернуть равновесие мирам. Защитить дхарму. Даровать надежду тем, кто её утратил. Тогда, как повествуют древние предания, пространство наполнилось необыкновенным сиянием. Оно не было похоже ни на солнечный свет, ни на блеск молнии. Это был свет, исходящий из самой основы бытия. И в этом свете Боги почувствовали присутствие Той, к Которой обращались. Не все увидели Её одинаково. Каждому Она открылась в той мере, в какой он был способен воспринять Её величие. Но все без исключения ощутили одно. Их молитва была услышана. Тогда в глубине их сердец прозвучало благословение. Не как звук, ни как речь. Но как несомненное знание. Шакти вновь придёт в мир. Она родится среди снегов Гималаев. Она станет дочерью Химавана и благочестивой Мены. Она будет известна под многими именами. Но миру предстоит узнать Её, как Парвати. Так завершился великий совет Богов. И хотя битвы ещё продолжались, а Таракасура всё ещё властвовал над многими областями мироздания, в сердцах небожителей впервые за долгое время появилась уверенность. Потому, что судьба миров уже начала изменяться. В заснеженных владениях царя гор готовилось событие, которому было суждено открыть новую эпоху. Эпоху возвращения Богини.

ЧАСТЬ II. РОЖДЕНИЕ БОГИНИ

Глава IV. Рождение Умы

Однажды, в те дни, когда мир ещё не оправился от последствий великой трагедии, а многие священные места только начинали обретать силу будущих Шакти-питх, великий мудрец Маркандея странствовал по землям Бхараты, следуя внутреннему зову своего сердца. Его путь пролегал через леса, горы и древние святилища. Он молился. Созерцал. И внимательно прислушивался к дыханию самой земли. Ибо мудрецы знают, когда происходят великие перемены в судьбе мира, сама природа начинает говорить с теми, кто способен услышать её голос. Во время одного из своих странствий Маркандея достиг отдалённой долины у подножия Гималаев. Там он ощутил необычайное присутствие божественной силы. Воздух был наполнен тонким благоуханием. Ветра стихли. Птицы умолкли. Даже деревья словно склонились в благоговении. Следуя за этим ощущением, мудрец обнаружил место, озарённое мягким неземным сиянием. И тогда его сердце наполнилось глубоким трепетом. Маркандея понял, что перед ним находится одна из священных реликвий Великой Сати, часть той божественной формы, которая некогда освятила землю своим присутствием. Мудрец немедленно совершил поклонение. Он возжёг священный огонь. Он воспел древние гимны Шакти. Но вместе с благоговением в его сердце возникло беспокойство. Мир уже менялся. Силы тьмы становились всё смелее. Асуры искали способы уничтожить всё, что поддерживает дхарму. И Маркандея понимал, если священное место останется без защиты, однажды оно может подвергнуться поруганию. В это самое время судьба привела в те края другую процессию. По дороге к святым местам двигался владыка Гималаев Химаван вместе со своей супругой Меной. Они совершали паломничество, посещая древние тиртхи и ашрамы мудрецов. Хотя их царство процветало, сердца супругов сохраняли одно сокровенное желание. Они мечтали о детях. О наследниках, которые продолжили бы их род и принесли бы благо миру. Когда процессия приблизилась к священной долине, Маркандея вышел навстречу царю гор. Химаван немедленно сошёл со своей колесницы и с почтением поклонился великому риши. После взаимных приветствий мудрец поведал ему о найденной святыне. Затем Маркандея сказал: — «О владыка гор, защитник мудрецов и хранитель священных земель. Перед нами место, которое однажды станет источником благословения для бесчисленных поколений. Но времена ныне неспокойны. Силы адхармы набирают мощь. Я прошу тебя принять под свою защиту эту святыню, чтобы никакое зло не смогло осквернить её».

Не колеблясь ни мгновения, Химаван согласился. Ибо его сердце всегда было предано дхарме. Он поставил охрану вокруг священного места. Приказал своим воинам бережно заботиться о нём. А сам вместе с Меной совершил поклонение святыне с искренней верой и смирением. Тогда произошло нечто удивительное. Когда царица Мена склонилась перед святыней, её сердце внезапно наполнилось необыкновенным теплом. Она не могла объяснить это чувство словами. Ей показалось, будто незримая материнская любовь коснулась её души. Маркандея внимательно наблюдал за происходящим. И в тот миг внутреннее видение открылось его духовному взору. Он увидел тончайшие нити судьбы, соединяющие прошлое и будущее. Увидел Шакти, пребывающую за пределами времени. Увидел Гималаи, которым предстояло стать колыбелью новой эпохи. Но мудрец не раскрыл всего увиденного. Он лишь благословил царя и царицу и произнёс загадочные слова: — «Тот, кто защищает святыню Богини, однажды сам станет хранителем Её величайшего дара».

Химаван и Мена не поняли тогда полного смысла пророчества. Но судьба уже начала свой путь. Ибо в тот день они взяли под защиту не только священную реликвию прошлого.

Они сделали первый шаг навстречу будущему, в котором самой Великой Шакти было предназначено родиться в их доме и назвать их своими родителями.

В судьбе каждого приходят такие мгновения, которые изменяют судьбу человека, происходят события, изменяющие судьбу народов. Но существуют и такие часы, когда изменяется течение самой Вселенной. Именно такой час приближался к трём мирам. После долгих лет тревоги, после слёз Богов, после молитв мудрецов и после безмолвного ожидания самой природы невидимые нити судьбы начали сплетаться в новый узор, сотканный ещё прежде рождения времён. Великая Шакти услышала зов мироздания. Не потому, что нуждалась в просьбах Богов. Не потому, что была связана необходимостью. Но потому, что сострадание является самой природой Божественной Матери. Она видела страдания существ. Видела скорбь Богов. Видела одиночество Махадевы, погружённого в бездонную самадхи. И потому приняла решение вновь явиться среди живых существ, чтобы исполнить замысел, предназначенный самой судьбой. В те дни Гималаи словно преобразились. Снега на вершинах сияли необыкновенным светом. Ледники сверкали подобно хрусталу. Горные реки несли свои воды особенно чистыми и прозрачными. Леса наполнялись благоуханием цветов, распускавшихся даже там, где прежде царил вечный холод. Мудрецы, жившие в пещерах и ашрамах, всё чаще говорили друг другу, что чувствуют присутствие великой благодати. Даже животные становились необычайно спокойными. Хищники забывали о своей ярости. Птицы собирались большими стаями над священными вершинами. А ветер приносил ароматы невиданных цветов. Царь гор Химаван замечал все эти перемены. Его мудрое сердце понимало, что происходит нечто необычное. Но даже он не мог представить всей глубины приближающегося чуда. Царица Мена также ощущала изменения. Во снах ей являлись небесные женщины в сияющих одеждах. Она видела золотые лотосы, распускавшиеся среди снегов. Видела свет, нисходящий с небес к её дворцу. И каждый раз после таких видений её сердце наполнялось необъяснимой радостью и покоем. Так постепенно приближался день, ради которого ожидали Боги, мудрецы и сама земля. День рождения Той, Которой было суждено вновь принести миру надежду. День явления Парвати. День возвращения Шакти. В те благословенные дни дворец Химавана был наполнен особой атмосферой, которую невозможно было сравнить ни с одним из известных праздников. Хотя никто ещё не видел будущего собственными глазами, сердца многих уже предчувствовали приближение великого события. Сам царь гор всё чаще обращался мыслями к Высшему. Каждый день он принимал мудрецов, совершал благотворительные подношения, заботился о священных рощах и ашрамах, расположенных среди его владений. Химаван не искал славы и не просил особых благословений для себя. Он лишь стремился жить в согласии с дхармой, как и подобает владыке, на которого возложена ответственность за благополучие многих существ. Именно поэтому милость судьбы приблизилась к его дому. Однажды ночью, когда небеса были необычайно ясны и бесчисленные звёзды отражались в ледяных вершинах Гималаев, царица Мена увидела сон, подобного которому никогда прежде не знала. Ей явилась сияющая Богиня, окружённая ореолом света. От Её присутствия исчезали страх и тревога, а сердце наполнялось таким покоем, который невозможно обрести среди земных радостей. Богиня ничего не приказывала и не произносила длинных речей. Она лишь взглянула на Мену с бесконечной нежностью. И этого взгляда оказалось достаточно. Когда царица пробудилась, её глаза были наполнены слезами счастья, а душа ощущала благословение, ниспосланное свыше. На следующее утро она рассказала свой сон Химавану. Выслушав её, владыка гор не стал искать обычных объяснений. Он немедленно призвал живших в его владениях риши и поведал им обо всём. Среди прибывших мудрецов были великие подвижники, многие годы посвятившие созерцанию высших истин. Услышав рассказ Мены, они погрузились в глубокое размышление. Наконец старейший из них поднялся и произнёс: — «О царь гор, о благочестивая Мена, радуйтесь. Необычайная милость приблизилась к вашему дому. Великая судьба готовится проявиться среди ваших потомков. Тот свет, который явился во сне, не принадлежит обычным небес-

ным существам. Это знамение, которое посещает мир лишь тогда, когда сама Божественная Энергия готовится принять земное рождение». Услышав эти слова, Химаван и Мена склонили головы в благоговении. Однако даже теперь они не могли представить всей полноты происходящего. Проходили дни. И чем ближе становился назначенный судьбой час, тем больше знамений являлось в мире. Над вершинами гор часто появлялось необычайное золотистое сияние. Священные озёра становились настолько прозрачными, что их воды напоминали чистейший хрусталь. Лотосы расцветали вне времени своего обычного цветения. Ароматы неизвестных цветов наполняли воздух. Даже мудрецы признавались друг другу, что никогда прежде не ощущали столь сильного присутствия благодати. Тем временем в небесных мирах также происходили удивительные события. Гандхарвы неожиданно начинали петь гимны без видимой причины. Апсары чувствовали необъяснимую радость. Дэвы замечали, что тяжесть, долгое время лежавшая на их сердцах после ухода Сати и поражений от Таракасуры, постепенно начинает ослабевать. Сам Индра, утративший часть своего могущества и владений, говорил своим приближённым: — «Я не знаю причины, но чувствую, что надежда возвращается в мир». Никто ещё не знал, что пророчество Брахмы уже начинает исполняться. И вот наступил день, который впоследствии будут вспоминать мудрецы многих поколений. Небо над Гималаями было необычайно ясным. Ветра стихли. Птицы умолкли, словно сама природа замерла в ожидании. Даже реки, казалось, замедлили своё течение. В этот священный час Великая Шакти вошла в мир людей через дом Химавана и Мены. И когда божественное дитя появилось на свет, по преданию, небеса наполнились сиянием. С высших миров посыпался дождь из небесных цветов. Гандхарвы запели гимны. Барабаны Богов зазвучали сами собой. Мудрецы, находившиеся далеко от дворца, внезапно ощутили в своих сердцах волну радости и сразу поняли, что свершилось великое событие. Та, которую прежде знали как Сати, вновь пришла в мир. Но теперь ей предстояло начать новую главу своей вечной истории. Ибо родилась Парвати — дочь гор, надежда Богов, будущая супруга Махадевы и мать того, кому однажды будет суждено освободить миры от власти Таракасуры. Когда первое сияние рождения постепенно наполнило дворец Химавана, многие из присутствующих ощутили, что стали свидетелями события, значение которого выходит далеко за пределы одного царства, одной семьи и даже одной эпохи. Новорождённое дитя покоилось на руках своей матери. Её лицо было спокойно. Её дыхание было тихим. Но вокруг неё словно разливалось невидимое благословение. Все, кто приближался к колыбели младенца, чувствовали необычайный мир в своём сердце. Тревоги отступали. Сомнения исчезали. Даже усталость покидала тех, кто долгое время нёс тяжёлые заботы. Казалось, будто само присутствие ребёнка приносит покой всему живому. Царица Мена не могла отвести взгляда от своей дочери. Материнское сердце наполнялось любовью, столь глубокой, что временами ей казалось, будто она знала это дитя задолго до его рождения. Иногда ей представлялось, словно между ними существует древняя связь, пришедшая из далёких времён, которые невозможно вспомнить разумом, но которые помнит душа. Химаван также смотрел на дочь с благоговением. Владыка гор привык видеть величественные вершины, бескрайние ледники и могущественные реки, берущие начало среди его владений. Но теперь он чувствовал, что величайшее сокровище его царства находится не среди снегов и скал, а рядом с ним. В маленьком ребёнке, который мирно спал на руках своей матери. Весть о рождении дочери Химавана быстро распространилась по окрестным землям. Мудрецы приходили благословить ребёнка. Подвижники приносили цветы и священные травы. Жители горных долин возжигали лампы в знак благодарности Богам. Повсюду царила радость. Но особенно удивительными были слова великих риши. Взирая на младенца своим духовным зрением, они замечали признаки необычайной судьбы. Некоторые видели вокруг ребёнка едва заметное сияние. Другие ощущали присутствие силы, которую невозможно было выразить обычными словами. Третьи говорили, что никогда прежде не встречали столь удивительного сочетания мягкости и величия. Однажды один из старейших мудрецов, долго смотревший на младенца, тихо произнёс: — «Эта девочка

пришла в мир не только ради собственной судьбы. Через неё будут совершены великие деяния. Через неё восстановится то, что ныне кажется утраченным. Через неё исполнится замысел, который уже сейчас сокрыт от глаз большинства существ». Эти слова были загадочны. Но никто не стал расспрашивать мудреца. Ибо истинные пророчества подобны семенам: им требуется время, чтобы раскрыть своё значение. Шли месяцы. Дворец наполнялся смехом ребёнка. Сады расцветали ещё пышнее. Реки становились полноводнее. А благословение, пришедшее вместе с рождением девочки, словно распространялось по всему царству. Никто ещё не называл её Матерью Миров. Никто ещё не видел в ней будущую супругу Махадевы. Никто ещё не знал, что однажды её имя будут произносить миллионы людей в молитвах и гимнах. Для Химавана и Мены она была просто любимой дочерью. Но сама судьба уже готовила для неё путь, который должен был соединить небо и землю, Богов и людей, Шиву и Шакти, вечность и время. Так началось детство той, которую мир впоследствии узнает как Парвати — Дочь Гор, Свет Гималаев и Вечную Богиню, вновь пришедшую ради блага всех существ.

Глава V. Дочь Гималаев

Так в доме Химавана началась новая эпоха. Но великие перемены редко приходят через гром небес или раскаты божественных барабанов. Чаще всего они входят в мир тихо — вместе с улыбкой ребёнка, первым взглядом, первым словом и первым шагом. Годы текли подобно чистым горным рекам. Маленькая Парвати росла среди величественных вершин, ледников и священных лесов Гималаев. С самого раннего возраста её окружала необыкновенная любовь. Царь Химаван видел в ней драгоценнейшее сокровище своего дома. Царица Мена не могла наглядеться на дочь и часто говорила, что один её взгляд способен рассеять печаль целого дня. Но чем старше становилась девочка, тем сильнее удивлялись все, кто встречал её. Парвати росла не так, как растут обычные дети. В её движениях присутствовало врождённое благородство. В её речи звучала мягкость и мудрость, не свойственные столь юному возрасту. А в её глазах временами отражалась такая глубина, словно память о многих эпохах скрывалась за их спокойным сиянием. Особенно любила она природу Гималаев. Часто её можно было увидеть среди цветущих лугов, возле водопадов или на берегах прозрачных горных озёр. Птицы не боялись её приближения. Олени спокойно подходили к ней. Даже самые пугливые животные ощущали рядом с ней необыкновенный покой. Мудрецы говорили: «Вся природа узнаёт в ней свою Мать». С годами всё больше риши приходило во дворец Химавана. Они приносили благословения юной царевне и рассказывали ей древние истории о Богах, мудрецах и законах мироздания. К удивлению наставников, Парвати понимала самые глубокие истины с такой лёгкостью, словно вспоминала давно известное знание. Иногда мудрецы задавали ей вопросы, желая испытать её понимание дхармы. И ответы девочки поражали даже седовласых подвижников. Она говорила просто. Но за её словами скрывалась мудрость, которую невозможно приобрести за одну жизнь. Однажды во дворец прибыл старый риши, многие десятилетия проведший в суровой аскезе. Увидев Парвати, он долго смотрел на неё в молчании. Затем поклонился ребёнку. Придворные были поражены. Но мудрец произнёс: — «Не удивляйтесь. Я склоняюсь не перед дочерью царя. Я склоняюсь перед великой силой, скрытой в её сердце». После этих слов он больше ничего не объяснил. Однако многие запомнили его пророчество. Со временем стали происходить и другие удивительные события. Там, где играла Парвати, растения росли быстрее и пышнее. Засохшие деревья неожиданно покрывались молодой листвой. Больные животные выздоравливали. Ссорящиеся люди находили примирение. Казалось, сама благодать сопровождала её присутствие. Но наиболее удивительным было её сострадание. С ранних лет Парвати не могла спокойно смотреть на чужие страдания. Она помогала бедным. Заботилась о животных. Проявляла одинаковую доброту как к царским гостям, так и к простым людям. В её сердце не было высокомерия. И потому любовь народа к ней росла с каждым годом. Сам Химаван всё чаще замечал, что рядом с дочерью его дворец словно наполняется особым светом. Иногда он вспоминал древние слова мудрецов, сказанные в день её рождения. И тогда ему казалось, что судьба готовит для Парвати путь, значительно превосходящий судьбу обычной царевны. Но пока эти мысли оставались лишь смутным предчувствием. Сама же Парвати продолжала жить среди любимых гор, наслаждаясь красотой мира и впитывая мудрость, которой щедро делились с ней риши. И никто ещё не знал, что в глубине её сердца уже начинает пробуждаться память души. Память, которая однажды вновь приведёт её к Тому, чьё имя было неразрывно связано с её собственной вечностью. К великому Махадеве. Пока юная Парвати росла среди снегов и священных лесов Гималаев, в мире продолжали разворачиваться события, смысл которых был скрыт от большинства существ. Сам Махадева всё ещё оставался далёк от мира. После ухода Сати Он долго странствовал по земле, посещая безлюдные вершины, священные леса и места древних тапасов. Но постепенно даже эти странствия прекратились. Шива всё глубже погружался в самадхи. Его сознание уходило за пределы времени, простран-

ства и всех проявленных миров. Дни сменялись годами. Годы превращались в десятилетия. А Махадева продолжал пребывать в безмолвии. Для обычных существ это выглядело как отрешённость. Но мудрецы понимали: в сердце Великого Йога продолжала жить память о Сати. Тем временем Парвати выросла. Она всё чаще посещала ашрамы риши. Слушала рассказы о древних эпохах. Изучала священные гимны. Узнавала тайны дхармы. Однажды один из мудрецов начал рассказывать о Великом Отшельнике Кайласа. О том, кто сидит в вечной медитации среди снегов. О том, кто носит месяц на своей голове. О том, кто покрывает тело священным пеплом. О том, кто одинаково милостив к Богам, людям и существам самых далёких миров. Парвати слушала внимательно. Но чем дольше продолжался рассказ, тем сильнее менялось выражение её лица. В её сердце возникало странное чувство. Словно имя Шивы было давно знакомо её душе. Словно за этим именем скрывалось нечто бесконечно родное. После того дня она всё чаще просила мудрецов рассказывать о Махадеве. О его сострадании. О его силе. О его безграничной мудрости. И каждый новый рассказ разжигал в её сердце ещё больший интерес. Но в то время никто не догадывался, почему это происходит. Даже сама Парвати не могла найти ответа. Она лишь чувствовала, что имя Шивы приносит её душе особую радость. В те же годы рядом с ней росла и её сестра Ганга. Её природа была иной. Если Парвати напоминала спокойствие горных вершин, то Ганга была подобна стремительному потоку. Если Парвати воплощала внутреннюю глубину, то Ганга несла в себе движение и неудержимую энергию. Мудрецы говорили, что обе сестры подобны двум проявлениям одной великой силы. Однажды небесные миры оказались охвачены духовным упадком и нуждались в очищении. Тогда Боги обратили свои взоры к Ганге. Ибо её воды обладали силой смывать последствия грехов и очищать даже самые тонкие загрязнения сознания. Но существовала проблема. Могущество Ганги было столь велико, что её нисхождение могло разрушить землю. Ни горы, ни леса, ни океаны не смогли бы выдержать её поток. Тогда взоры всех существ обратились к Махадеве. Только Он один обладал силой удержать небесную реку. Только Он один мог направить её могущество во благо мира. И когда пришло время, Ганга низошла с небес подобно сияющей реке света. Её поток устремился вниз с силой тысяч водопадов. Но Шива встретил её спокойно. Он принял её в свои джаты. Бесконечные волосы Великого Йога удержали ту силу, которая могла сокрушить землю. Ганга осталась пребывать в Его священных локонах. И с тех пор её воды стали благословением для миров. Многие поздние сказители говорили, что Ганга восхищалась Махадевой и считала великой честью пребывать на Его голове. Некоторые легенды даже рассказывают о её ревности к Парвати. Но мудрецы объясняли эти истории символически. Ибо различные силы Божественной Матери по-разному стремятся приблизиться к Шиве — к вечному Сознанию. Так проходили годы. Парвати выросла. Гималаи становились её домом и школой. Мудрецы становились её наставниками. А имя Махадевы всё чаще звучало в её сердце. Между тем сам Шива продолжал пребывать в глубочайшей медитации на Кайласе, не ведая, что судьба уже начала готовить новую встречу. Встречу, которая должна была изменить не только их собственные судьбы, но и судьбу всех трёх миров. Однако была ещё одна особенность, которая всё сильнее удивляла Химавана, Мену и мудрецов, посещавших их дворец. Чем старше становилась Парвати, тем меньше её привлекали развлечения, которыми обычно увлекаются дети её возраста. Она любила игры и смех своих подруг. Любила цветы и песни птиц. Но вместе с тем в её душе жило стремление к чему-то гораздо более глубокому. Иногда её находили сидящей в полном молчании на берегу горного озера. Она могла долго смотреть на отражение снежных вершин в неподвижной воде. И никто не понимал, о чём размышляет юная царевна. В другие дни она уходила в священные рощи неподалёку от дворца. Там, среди древних кедров и гималайских сосен, она собирала цветы и приносила их в маленькие природные святилища, которые создавали риши. Порой мудрецы замечали её сидящей рядом с ними во время молитв. Она не нарушала их молчания. Не задавала вопросов. Но слушала так внимательно, словно каждая мантра была ей давно знакома. Особенно удивляло то, что Парвати испытывала необычайное

почтение к аскетам. Многие царские дети восхищаются воинами, богатством или славой. Но дочь Химавана с особой радостью служила именно мудрецам. Она приносила им воду. Собирала для них цветы. Помогала готовить места для яги. И делала всё это с такой искренностью, будто служила самым близким людям.

Однажды во дворец прибыла группа великих подвижников, возвращавшихся из северных областей Кайласа. Они рассказывали о суровых местах, где даже летом не тают снега. О безмолвных вершинах, касающихся небес. О пещерах, где веками медитируют риши. Услышав эти рассказы, Парвати неожиданно оживилась. Она стала расспрашивать гостей о каждом утёсе, о каждом озере, о каждой священной пещере. Особенно её интересовало одно место. Кайлас. Священная гора Махадевы. Когда мудрецы произносили это имя, в её глазах появлялось выражение, которое никто не мог объяснить. Словно далёкая вершина была ей удивительно близка. Словно часть её собственного сердца уже давно пребывала там. Однажды Мена с улыбкой спросила дочь: — «Почему тебя так интересует Кайлас, дитя моё?» Парвати некоторое время молчала. Затем тихо ответила: — «Я не знаю, матушка. Но когда я слышу о нём, мне кажется, будто я вспоминаю свой дом». Мена ласково обняла дочь, посчитав её слова детской фантазией. Но старый мудрец, случайно услышавший этот разговор, долго смотрел вслед уходящей девочке. А затем тихо произнёс: — «Иногда душа помнит то, что разум ещё не способен понять». Шли годы. Парвати становилась всё прекраснее. Но вместе с красотой росли её мудрость, сострадание и внутренняя сила. Подобно тому как скрытое в земле семя постепенно готовится раскрыться цветком, так и в сердце дочери Гималаев незаметно пробуждалось великое предназначение. Пока ещё никто не видел всей картины судьбы. Но небеса уже ожидали назначенного часа. Боги ожидали. Мудрецы ожидали. Сама земля ожидала. Ибо приближалось время, когда любовь, пережившая смерть, разлуку и века молчания, вновь начнёт своё великое путешествие через миры.

«О Господь богов!

О Великий Владыка!

Восстань, восстань!

О Повелитель Вселенной!

Защити Богов и миры.

Океан милости, приди нам на помощь.

Мы припадаем к Твоим стопам.

Даруй благословение всем существам.»

Дева-дева Маха-дева, уттиштха уттиштха Шанкара,

уттиштха джагатам натха, трайлокьям мангалам куру.

Перевод:

О Бог Богов, Великий Бог!

Восстань, восстань, о Шанкара!

Восстань, о Владыка миров,

Даруй благословение и благополучие трём мирам.

Глава VI. Пробуждение сердца

Я поклоняюсь Шиве, который любит любовь и дарует любовь, который является полнотой и дарует полноту, в котором пребывают все совершенства и всё божественное могущество. Я поклоняюсь Шанкаре, который есть Истина, воплощение Истины и слава тройственной Истины, который любит истину и дарует истину, которого прославляют Вишну и Брахма, и который по Своей милости принимает различные образы. Я поклоняюсь Шанкаре, Великому Шиве, чьё сознание пребывает в вечном блаженстве, который любит любовь и дарует любовь, который является абсолютной полнотой и делает совершенными других, в котором пребывают все божественные совершенства, который есть сама Истина, который любит истину и открывает её своим преданным, которого прославляют Брахма и Вишну, и который по Своей безграничной милости принимает различные формы ради спасения мира.

Этот прекрасный гимн открывает не только Кумара-кханду Рудра-самхиты, но и всё последующее повествование о великой тайне союза Шивы и Парвати, о рождении их божественного сына Кумары, известного также, как Картикея или Сканды. Подобно восходящему солнцу, озаряющему вершины гор прежде, чем его свет коснётся земли, этот стих заранее раскрывает духовный смысл всех событий, которые будут описаны далее. На первый взгляд перед нами лишь молитва — прославление Господа Шивы. Однако в действительности каждая её строка содержит глубокое богословское учение. Автор Пураны не случайно начинает повествование именно с этих слов. Прежде чем рассказать о деяниях Богов, о подвигах Кумары и о судьбах миров, он открывает читателю истинную природу того, кто является источником всех этих событий.

В начале Кумара-кханды, Рудра-самхиты Боги обращаются к Господу Шиве через множество священных имён. В Пуранах каждое имя Шивы — это не просто титул, а указание на определённый аспект Его природы. Для глубокого изучения полезно раскрывать их. Махадева (Маха-дева) — Маха — великий, дева — божество. Значение — «Великий Бог», превосходящий всех Богов. Этот эпитет подчёркивает, что Шива является источником силы самих Богов. Даже Брахма и Вишну почитают Его как Высшую Реальность. Девадева — Дева — Бог, Девадева — Бог Богов. Значение — Владыка всех небесных существ. Когда Боги сталкиваются с бедствием, они обращаются именно к Шиве, как к своему высшему покровителю. Шанкара — От слов шам (благо, счастье) и кара (дарующий). Значение — «Дарующий благо». Шива не только разрушает, как часто считают, но прежде всего приносит освобождение, мир и духовное благополучие. Джагат-натха — Джагат — мир, вселенная. Натха — господин, покровитель. Значение — «Владыка Вселенной». В этом имени Шива предстаёт хранителем космического порядка. Трилоканатха — Три — три. Лока — мир. Натха — владыка. Значение — «Господин трёх миров». Три мира — небесный (Сварга), земной (Бху), подземный (Патала). Шива управляет всеми уровнями бытия. Пашупати — Пашу — связанное существо, душа в плену майи. Пати — господин. Значение — «Владыка всех живых существ». В философии шивизма все души называются «пашу», пока находятся в узах кармы. Шива освобождает их от этих уз. Трилочана — Три — три. Лочана — глаз. Значение: «Трёхглазый». Третий глаз символизирует — высшее знание, духовное видение, способность уничтожать невежество. Когда открывается третий глаз Шивы, исчезают иллюзии. Нилакантха — Нила — синий. Кантха — горло. Значение — «Синегорлый». Во время пахтания океана Шива выпил смертельный яд Халахала ради спасения мира. Яд остался в Его горле, окрасив его в синий цвет. Этот эпитет символизирует самопожертвование ради блага всех существ. Рудра — От корня руд — плакать, рыдать, а также заставлять страдать зло. Значение: «Тот, кто устраняет страдания». Рудра разрушает не душу, а её невежество, ложное эго и кармические оковы. Хара — От корня хри — уносить, забирать. Значение: «Устраняющий». Шива уносит грехи, страдания, привязанности,

страх смерти. Ишана — один из самых возвышенных эпитетов Шивы. Значение — «Верховный Повелитель». Ишана является владыкой духовного знания и северо-восточного направления, которое считается самым благоприятным в индуистской традиции. Махешвара — Маха — великий. Ишвара — Господь. Значение — «Великий Господь». Под этим именем Шива выступает как Верховный Правитель космоса. Боленатх — Хотя это имя чаще встречается в более поздней традиции, его смысл связан с пураническим образом Шивы. Значение — «Простой и милостивый Господь». Шива легко откликается на искреннюю молитву, независимо от положения человека. Ашутоса — Ашу — быстро. Тоша — удовлетворение. Значение — «Тот, кто быстро бывает доволен». Согласно Пуранам, даже небольшое искреннее поклонение может привлечь благословение Шивы. Умапати — Ума — Парвати. Пати — супруг, владыка. Значение — «Супруг Умы». Этот эпитет напоминает о неразделимом единстве Шивы и Шакти, сознания и энергии. Ардханаришвара — Ардханаришвара. Значение — «Господь, наполовину являющийся Женщиной». Эта форма символизирует — единство мужского и женского начал, единство Шивы и Шакти, полноту мироздания. Садашива. Сада — вечно. Шива — благой. Значение — «Вечно Благой». Это трансцендентная форма Шивы, пребывающая за пределами времени, рождения и смерти.

Смысл всех этих имён вместе.

Когда Боги произносят эти эпитеты, они обращаются не к разным божествам, а к разным аспектам одной и той же Божественной Реальности:

Махадева — Верховный Бог.

Шанкара — Дарующий благо.

Пашупати — Освободитель душ.

Трилочана — Всевидящий.

Нилакантха — Спаситель мира.

Махешвара — Владыка космоса.

Садашива — Вечный Абсолют.

Именно поэтому в шиваитской традиции считается, что повторение имён Шивы само по себе является молитвой и формой медитации на Его бесчисленные качества.

Шри Ганешая намах. Шри Гаури-Шанкарабхьям намах. Атха Рудра-самхитантаргаташ чатуртхах Кумара-кхандах прарабхьяте.

Перевод: Поклонение Шри Ганеше. Поклонение Шри Гаури и Шанкаре.

Транскрипция:

Ванде нанданатуштаманасамати премаприйам премадам,

пурнам пурнакарам прапурна-никхилайшварьяй-ка-васам Шивам.

Сатъям сатъямайам трисатъя-вибхавам сатъяприйам сатъядам,

Вишну-Брахма-нутама свакийа-крипайопаттакритим Шанкарам.

В нескольких строках Шива предстаёт одновременно как личный Бог, к которому можно обратиться с любовью и преданностью, и как бесконечный Космический Абсолют, пребывающий за пределами времени и пространства. Он описывается как воплощение полноты, истины и совершенства, как источник любви, дарующий любовь всем существам, и как высшее прибежище, в котором находятся все божественные силы и все совершенства мироздания. Особенно важно, что Шива назван не только Истиной, но и Дарующим Истину. Тем самым подчёркивается одна из главных идей шиваитской традиции: освобождение достигается не одними лишь знаниями или усилиями человека, но также милостью Господа, который раскрывает душе её собственную вечную природу. Поэтому Шива в этом гимне выступает одновременно как высшая цель духовного пути и как сострадательный проводник, ведущий к этой цели. Не менее значимы слова о том, что Господь по Своей милости принимает различные формы. Бесконечный и непостижимый Абсолют становится близким и доступным для мира. Именно поэтому далее в повествовании мы увидим Его, как супруга Парвати, как любящего отца Кумары, как

защитника Богов и как великого Владыку Вселенной. За всеми этими образами скрывается единая Божественная Реальность, которую невозможно ограничить какой-либо одной формой. Таким образом, вступительный гимн является не просто молитвой или традиционным благословением. Он служит ключом ко всей Кумара-кханде. Через него читателю открывается внутренний смысл последующих событий: история Шивы, Парвати и рождения великого Кумары — это не только древнее предание, но и повествование о любви Божественного и земного, о победе света над тьмой, о раскрытии истины и о пути души к окончательному освобождению. Так звучат древние гимны, которыми мудрецы прославляли Вечного Махадеву и Великую Шакти. Не случайно они были помещены в начале этой книги. Ибо прежде чем услышать историю, следует услышать Имя. Прежде чем увидеть деяния Богов, следует прикоснуться к Их присутствию. Таков был обычай древних риши. Они начинали повествование не с событий, а с поклонения. Не с рассказа, а с молитвы. Не с описания мира, а с воспоминания о Том, Кто является его Источником. Гимны подобны священной реке. Они очищают сердце читателя, как воды Ганги очищают землю. Они успокаивают ум, подобно лунному свету над вершинами Кайласа. Они открывают врата внутреннего слушания, без которого невозможно понять великие тайны Пуран. И теперь, когда молитва произнесена, а сердце обращено к Божественному, повествование продолжается. Мир уже пережил уход Сати. Шива пребывает в глубоком безмолвии. Боги ожидают исполнения древнего пророчества. Гималаи хранят тайну будущего. А в доме царя Химавана вырастет юная Парвати — та, которой суждено вновь соединить Небо и Землю, Сознание и Энергию, Шиву и Шакти. Пока ещё она лишь дочь гор. Пока ещё она не знает всей глубины своего предназначения. Но судьба уже начинает раскрывать перед ней первые страницы великой памяти души. И первым, кто принесёт ей весть о прошлом, станет бессмертный мудрец Нарада. Так начинается новая глава Космической Самхиты. Так начинается пробуждение сердца. Проходили годы. Подобно молодой луне, день за днём обретающей полноту своего сияния, выросла и становилась прекрасной дочь Гималаев. Во всех трёх мирах трудно было найти девушку, равную ей красотой. Но ещё более удивительной была красота её души. Мягкость сочеталась в ней с твёрдостью. Смирение — с достоинством. Сострадание — с внутренней силой. И потому все, кто видел Парвати, чувствовали к ней любовь и уважение. Однако сама дочь Химавана всё чаще ощущала в своём сердце необъяснимое беспокойство. Нет, это не была печаль. Не было это и обычным человеческим желанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.